

ЮЛИЯ КЛИМОВА

ЮЛИЯ КЛИМОВА

*Лети, птица
Феникс*

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К49

Художественное оформление серии *С. Груздева*

Ранее книга издавалась под названием
«Мужчина в кармане»

Климова, Юлия Владимировна.
К49 Лети, птица Феникс / Юлия Климова. — Москва :
Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-104555-5

Наташа — талантливый и опытный дизайнер, она умеет превращать любые помещения в сказку. Получив новый заказ, девушка едет за город, но на пороге ее встречает вовсе не хозяин дома, а его помощник. Он сдержан, внимателен и задает слишком много странных вопросов. А главное, он отказывается говорить, для кого Наташа будет улучшать левое крыло дома. Кажется, здесь живет тайна, которую нужно разгадать...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104555-5

© Климова Ю., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

— *Пожалуйста, выйди за меня замуж. — Он поймал ее за-
пястье и опустил блюдо. — Мне просто необходима порция аб-
сурда за завтраком каждое утро до конца моей жизни.*

*Взгляд Судного дня исчез. Он смотрел на нее с такой улыб-
кой, что у нее странно перехватило горло.*

— *Ну... — произнесла она и не смогла придумать, что ска-
зать.*

Лора Кинсейл. Летняя луна

Взяв неизменный блокнот в правую руку, а неизменную ручку в левую, Герман прочистил горло неизменным «кхм-кхм», тряхнул головой и решительно вышел из комнаты.

Миновав лестницу, огражденную точеными стойками и гладкими перилами, задержавшись около зеркала, напоминающего среднестатистический поднос, края которого измазали клеем и присыпали металлической стружкой «а-ля поросячьи хвостики», убедившись, что и сегодня его внешний вид безупречен (как и вчера, и позавчера, и десять лет назад), Герман неспешным шагом направился к кабинету шефа.

Картина, которая предстанет перед его взором через несколько секунд, без сомнения, будет такой же неизменной,

ЮЛИЯ КЛИМОВА

как блокнот в кожаной обложке, черная ручка и утреннее «кхм-кхм». В доме Дмитрия Сергеевича Кондрашова нет места неожиданностям. Нечаянные сюрпризы и мелкие случайности никогда бы не посмели родиться в монотонной атмосфере этих стен. А если бы они все же попали сюда каким-нибудь невероятным образом (возможно, с ветром или с корреспонденцией), то тут же скукожились бы и превратились в пыль, которую мгновенно бы стерла влажной тряпкой добросовестная домработница Ада Григорьевна.

И думать нечего — никаких неожиданностей!

Герман зашел в кабинет и сразу занял привычное место около окна, рядом с пышно разросшейся диффенбахией и темно-коричневым креслом. Вообще-то можно сесть, закинуть ногу на ногу и скоротать пятнадцать минут в удобной позе — шеф, сосредоточенно изучающий бумаги и делающий короткие записи в ежедневнике, все равно не заметит такой вольности. Лишь только когда узкие, как пенал первоклассника, напольные часы издадут: «бом-бом-бом...», сообщая о восьми часах утра, Дмитрий Сергеевич Кондрашов нахмурится, поднимет голову и произнесет замыленное до дыр: «М-м-м... уже восемь... Герман, доброе утро. Планы на сегодняшний день будут следующими...» И тут-то и пригодятся неизменный блокнот и неизменная ручка. А ровно через десять минут в кабинет с подносом, на котором будет стоять обиженная жизнью серая чашка с кофе, зайдет Ада Григорьевна. Она вздохнет («опять двадцать пять!»), насутится («Дмитрий Сергеевич, вы скоро здесь ночевать будете!»), подождет губы («и управы-то на вас не найдешь!»), оставит чашку на краю стола и бесшумно уйдет.

Да, будет так.

Лети, птица Феникс

Привычка, возведенная в ритуал.

Наверное, африканский народ племени масаи относится к своим традициям менее трепетно, чем Кондрашов к распорядку дня. Хотя нет, он иначе просто не может. Не умеет.

Покосившись на часы, Герман встал в позицию «пятки вместе — носки врозь» и мысленно скомандовал себе:

«На старт!»

О! Он обожает свою работу! И даже этот круговорот однообразия приносит тихую, теплую порцию гордости и счастья. Что бы ни случилось, ни один мускул не дрогнет на его лице, ни одна из двух ровных, как линия горизонта, бровей не подскочит даже на миллиметр. Он уже давно не работает на Кондрашова — он ему верно служит. Да, да! Служит! С любопытством, упоением, изумлением, грустью, радостью и достоинством. Все перемешано, упаковано и подписано: «Срок годности — до конца дней своих».

«Внимание!» — Герман вновь вернул взгляд к столу.

Дмитрий Сергеевич Кондрашов. Дмитрий Сергеевич Кондрашов. В конкурсе на Лучшего Трудоголика Года он победил бы с большим отрывом. Да что года! Столетия! Тысячелетия!

Иногда, правда, он делает перерывы...

После десяти лет усердной службы Герман мог вспомнить три таких случая.

Первый был связан с женщиной. Высокой широкоплечей блондинкой в короткой юбке и коротком топе. Не снятая перламутровых босоножек, она влетела в дом, как неумный торнадо, и за три дня успела очень многое: разбила вазу — фигуристую греческую красавицу, засыпала тонкими батончиками пепла бежевый ковер в гостиной и остави-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

ла густо-розовые следы помады практически на всех белых мягко-махровых полотенцах.

Исчезла она торопливо, прихватив с собой нежную бельгийскую фуксию, которая ранее стояла на подоконнике в кухне.

Произошло это восемь лет назад, но Ада Григорьевна до сих пор едко называет широкоплечую гостью «щипаным страусом» и качает головой, вспоминая розовые танцующие «юбочки» цветков фуксии.

Второй случай тоже был связан с женщиной. Сухонькой задумчивой брюнеткой в шерстяном костюме. Она тихо появилась, точно стыдливая мышь, тихо перемешала книги в библиотеке, понаставила во всех комнатах одинаковые прозрачные мисочки с сухофруктами и орехами, тоже запорошила батончиками пепла ковер и исчезла через неделю, ничего не прихватив с собой. Даже наоборот, покидая дом с первыми лучами солнца, она забыла в кресле унылую косметичку, набитую лекарствами, и старенький журнал «В мире науки».

Произошло это семь лет назад, но Ада Григорьевна до сих пор ворчит, протирая гладкие полки книжных шкафов в библиотеке, и больше не кладет цукаты и изюм в тесто для кекса.

И в третьем случае была повинна женщина. Маленькая, ярко-рыжая лисичка с пухлым алым ртом, одетая в обтягивающие брючки и пиджак на голое тело. Она обосновалась на целых десять дней и пропитала дом резким ароматом стойчивой лилии и непрерывными восклицаниями: «О чудо!», «Мило!», «Брависсимо!», «Кофе!», «Чай!», «Свежевыжатый сок!». Она постоянно искала несуществующий ко-

Лети, птица Феникс

локольчик, чтобы позвать «безалаберную прислугу», опять же сорила пепельными батончиками и аллергично чихала, жалуясь на пыль и мебельных жучков. Исчезла она с шумом и визгом, громко хлопнув дверью, выплюнув сто пятьдесят проклятий на дорожку, ведущую к гаражу, где терпеливо ожидал разгневанную хозяйку малиновый джип.

Прошло шесть лет, но Ада Григорьевна до сих пор демонстративно не прикасается к соковыжималке, не терпит лилий и вздрагивает, если увидит в какой-нибудь телевизионной передаче или рекламе обыкновенный колокольчик.

«*Марш!*» — мысленно произнес Герман.

«Бом-бом-бом...» — монотонно запричитали часы, похожие на пенал первоклассника.

— М-м-м... уже восемь. Герман, доброе утро. Планы на сегодняшней день будут следующими... До обеда я останусь работать дома. Последнее время в офисе невозможно сосредоточиться. В два я встречаюсь в ресторане с Овечкиным. Подготовь смету по застройке участка рядом с Прокшино. Вернусь в пять — мне понадобятся предложения по кредитам...

Герман привычно протоколировал каждое слово, успевая подумать о том, что в ближайшее время необходимо купить дополнительный блок листов для блокнота и стрежень для ручки. Поддерживая принцип неизменности, он всегда покупал стержень с черными чернилами. И никогда с синими. Гармония постоянства не должна быть нарушена — ни в чем.

А другая гармония здесь бы и не прижилась, она бы погибла смертью храбрых еще на подступах к этому кабинету.

Дверь открылась, и Ада Григорьевна вплыла с подносом в руках. Вплыла и выплыла, поставив на стол серую чашку с кофе и подбросив к потолку недовольные восклица-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

ния: «Опять двадцать пять!», «Дмитрий Сергеевич, вы скоро здесь ночевать будете!», «И управы-то на вас не найдешь!»

Кондрашов отложил бумаги в сторону, сделал один глоток и внимательно посмотрел на Германа. На лбу Дмитрия Сергеевича образовалась морщина, наглядно демонстрирующая работу вечного двигателя — мозга.

«А сейчас пойдут мои обязанности», — приготовился Герман, ничуть не надеясь на лавры провидца. Неизменность, что тут еще можно сказать.

— Я бы хотел ознакомиться с книжными новинками по маркетингу. Купи три любые книги на твое усмотрение. И сегодня мне не хватит времени на прессу — просмотри газеты и журналы сам, отметь интересные для меня статьи.

— Конечно, — ответил Герман, продолжая строчить в блокноте. О! Интересы шефа! Они тоже понятны и предсказуемы...

Кондрашов сделал еще один глоток кофе, отставил чашку и залистал страницы ежедневника.

— В среду прилетает Ганс. Займись гостиницей и ужином. Никаких неувязок быть не должно. И организуй ему какую-нибудь экскурсию, в прошлый раз он сожалел, что не смог ознакомиться с достопримечательностями.

— Конечно, — кивнул Герман.

— Найди хорошего дизайнера — необходимо привести в порядок левое крыло дома.

— Что именно вы хотите изменить?

На лице Дмитрия Сергеевича появилось секундное замешательство, столь не свойственное ему. И от Германа этот удивительный и неслыханный факт не утаился.

— Мне кажется, там сыро, — Кондрашов захлопнул еже-

Лети, птица Феникс

дневник и положил на него руку, точно собрался присягать. — И мало света, — неуверенно добавил он.

— Мы ждем гостей? — решил уточнить Герман.

— Нет, не гостей, — покачал головой Дмитрий Сергеевич и продолжил уже обычным ровным тоном: — В левом крыле будет проживать моя жена. Я слабо представляю, какой интерьер может понравиться молодой женщине, поэтому всецело полагаюсь на твой вкус. Если возникнут затруднения, обратись к Аде Григорьевне. Она женщина мудрая и... — Кондрашов осекся и нахмурился еще больше. Теперь на его лбу красовались две морщины (параллельные), — ...и, наверное, она разбирается в этих вопросах.

Брови Германа, ровные, как линия горизонта, первый раз за десять лет дрогнули.

Шеф женится.

Это сравнимо с прилетом инопланетян (похожих на зеленую редьку и рыбу-ёж одновременно), это сравнимо с летним снегопадом (клубы сладкой ваты старательно плюют с неба прямо на календарь), это сравнимо с появлением огромной глыбы айсберга в центре Москвы (того самого айсберга, который исподтишка пырнул брюхо «Титаника»)...

Нет, это ни с чем не сравнимо.

И что означают слова «в левом крыле будет проживать моя жена»? А где собирается проживать сам Кондрашов Дмитрий Сергеевич?

Видимо, в правом крыле... в своей спальне. В спальне, знакомой до каждого прямоугольничка паркета (коричнево-янтарного), в спальне, знакомой до каждой ворсинки бархатистых обоев (песочно-шоколадных с вертикальными прожилками золотых полос), в спальне, знакомой до ка-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

ждой капли света, вырывающегося из скрученных ламп итальянской люстры (латунно-керамической). Видимо, так...

И без того ровная спина Германа стала еще ровнее, он чуть подался вперед и все же уточнил:

— Вы женитесь?

— Да.

— Кхм-кхм...

— Мне сорок два года. Тянуть больше не имеет смысла. Мне нужен наследник — сын, которому я смогу передать свое дело. Полагаю, здесь все понятно.

Он убрал руку с ежедневника, потер лоб ладонью, прогоняя морщины (и они послушно исчезли), выдвинул верхний ящик стола и углубился в мир строгих черных папок.

«Мой шеф женится». Герман представил выражение лица Ады Григорьевны в момент, когда та узнает новость, и вспомнил три разномастные персоны женского пола, которые много лет назад умудрились не только переступить порог этого дома и насорить пепельными батончиками на ковер, но и задержались в нем на некоторое время.

Какой же будет жена Кондрашова?

Блондинка?

Брюнетка?

Рыжая?

И когда он успел?!

Вернее, как смог?!

Разве он, Герман, не ведает о каждом шаге шефа? Разве не он каждое утро без пятнадцати восемь встречает его в этом кабинете? Разве не короткий хлопок дверью спальни Кондрашова является своеобразным ежевечерним «спокойной ночи»?

Они живут в одном доме (пусть на разных этажах, неваж-

Лети, птица Феникс

но), они работают в одной связке долгие десять лет (как скалолазы, взбирающиеся на вершину Килиманджаро), и если проверить, то наверняка окажется, что мысленно они уже давно одинаково и синхронно решают одни и те же проблемы, разгибают одни и те же вопросительные знаки и заменяют многоточия цифрами и точками.

Так когда же?

Где?!

Как?!

Герман закрыл блокнот и, проглотив волнение, отправил в сторону Кондрашова встревоженный взгляд. Быть может, шеф пошутил (вдруг научился)? Вот сейчас он скажет: «Ты меня не так понял», внесет ясность и закончит неизменным: «Герман, я на тебя рассчитываю».

— Будь любезен, проверь, в каком состоянии мой смокинг, кажется, в прошлую пятницу в «Торг Клубе» я испачкал рукав.

Герман вновь открыл блокнот и автоматически сделал еще одну запись, а Кондрашов вынул из ящика стопку из трех тонких папок и задумчиво прижал их к груди.

— И найди мне женщину, Герман. Жену. Молодую — от двадцати восьми до тридцати двух лет, приятную внешне. С хорошим здоровьем, без вредных привычек. Ее статус неважен — достаточно высшего образования и спокойного характера. Я понимаю, что за один день ты не справишься, но все-таки не затягивай... Да, не затягивай. — Кондрашов махнул рукой, благословляя, положил папки перед собой, деловито открыл верхнюю, замер и, погружаясь в вязкое болото работы, прощально и неизменно добавил: — *Герман, я на тебя рассчитываю.*

ГЛАВА 1

Вопрос на засыпку: Есть ли жизнь после развода?

Ответ: О да! Есть! Еще какая!

Первое, что я сделала, когда развелась, — купила новое постельное белье, пригласила в гости старого друга, и мы с ним прорезвились до утра, прерывая минуты страсти бесконечными дискуссиями о его нынешней жене и о моем бывшем муже. Было весело, скажу я вам. Да! Было весело! На следующий день, с одной стороны, хотелось спать, а с другой — совершить нечто нереальное. Что-нибудь настолько невозможно-невероятное, чтобы надорванная со всех краев самооценка обрела прежний вид. Нет, не покрылась стежками штопки через край, арослась и стала как новенькая.

Я много чего перебрала и решила исправлять положение при помощи мужчины. Но не первого встречного-поперечного, а такого, чтобы увидеть и ахнуть, чтобы самой себе начать завидовать. То есть я должна заполучить такого мужчину, которого просто невозможно заполучить. И дело не в том, богат он или нет, главное — чтобы был неприступен и чертовски хорош как внешне, так и внутренне.

Ваши предложения? Что? Замахнуться на президента? Признаться — могу, но он настолько занятой человек, что осложнять его жизнь еще больше просто непорядочно. А я из тех, кто именно осложняет жизнь, кто берет судьбу за шкир-

Лети, птица Феникс

ку и тащит за собой, пока она не выдохнется и не запросит пощады. Терпеть не могу, когда плывут по течению, и всегда свою лодку поворачиваю навстречу волнам, туда, где подводные камни рисуют еле заметное волнение на воде. Дайте мне весло, а уж до противоположного берега я доберусь сама! Хотя и весло необязательно, я сниму свою любимую красную майку, натяну ее на гладкую ветку и буду дуть до тех пор, пока лодка не пробуравит пенящуюся поверхность моря и не зашуршит по мелкому песку нужного мне берега.

Что-то я отвлеклась. Подобное со мной случается часто, так что не стесняйтесь, перебивайте и требуйте продолжения. Итак, мы разговаривали о мужчинах, вернее, о недоступных мужчинах — именно ими и должна быть забита моя голова.

Начнем по порядку. Что я знаю о мужчинах? Они хотят счастья, но так как за ним идти слишком далеко и трудно, предпочитают бутылку пива и футбол. Они любят красивые машины и сексуальных женщин, хотя, надо заметить, женятся всегда на полной противоположности того образа, который живет в их мечтах с подросткового возраста. А перед сексуальными женщинами они робеют. Да, вот такие дела, и исправить ситуацию невозможно. Хотят и робеют, и приходится нам, сексуальным женщинам, брать груз первого шага на себя: кокетливо поводить плечом, томно взирать, вилять бедрами, одаривать улыбкой и, в конце концов, когда силы уже на исходе, а он все сидит и думает: ему или не ему предназначены эти знаки внимания, — набирать в легкие побольше воздуха и кричать изо всех сил «Да, Вася (*Коля, Саша, Андрюша...*)! Это я для тебя стараюсь! Поднимайся, идем в ресторан!»